

III. ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 943.085.2

Т.В. Евдокимова, А.Л. Стризое

МЕТОД «КОЛЛЕКТИВНОЙ БИОГРАФИИ» И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Представлен опыт исторического исследования политической элиты Веймарской республики при помощи метода «коллективной биографии». Авторы исходили из межпредметных связей истории и политологии. Предметом изучения являются биографии рейхсканцлеров Веймарской Германии как представителей правящей политической элиты. Коллективный портрет веймарских канцлеров дается в трех ракурсах: в социальном; институционально-правовом; практически-политическом.

Ключевые слова: Веймарская республика, политическая элита, рейхсканцлеры, коллективная биография, междисциплинарный анализ.

История Веймарской республики принадлежит к числу исторических сюжетов, которые находятся на оживленном перекрестке междисциплинарного исследования, привлекающего к себе внимание историков, политологов, правоведов, психологов, социологов. Это заставляет всякий раз внимательно фиксировать конкретный аспект анализа, его предмет и методы. В данном случае речь пойдет об историческом исследовании политической элиты Веймарской республики при помощи метода «коллективной биографии». Мы постараемся показать, что использование биографического метода способно дать целостную и достаточно корректную характеристику политической элиты, представляющую интерес не только для гражданской истории, но и для сравнительной и теоретической политологии. В этом, как представляется, заключена важнейшая сторона прагматики исторического исследования, дающая нам возможность, осмыслив исторический и политический опыт прошлого, осознать возможные перспективы настоящего и оптимизировать собственные стратегии социального управления.

Специфика исторического рассмотрения биографии допускает несколько вариантов описания. Оставаясь в границах классической историографии, мы можем, во-первых, представить жизненный путь личности в свете критического анализа дошедших до нас свидетельств, обнаруживая в них разные версии изложения событий, «белые пятна» различного происхождения, умышленные и неумышленные субъективные искажения в описании событий прошлого. Биография здесь может рассматриваться как персонифицированная проекция истории общества.

Во-вторых, с общенаучных позиций теоретико-методологической реконструкции прошлого

можно рассмотреть биографию личности при помощи принципа развития с учетом его конкретно-научной формы реализации в идее историзма, выделив в ней этапы жизненного пути и дав им системное описание как уникальным историческим ситуациям. При этом особое значение приобретают поворотные пункты биографии как рубежи качественной смены состояний сознания человека, его поступков и окружающих его обстоятельств. В эти моменты реализуется социальный выбор личности, осознанно или стихийно складывается ее жизненная стратегия. Сравнение различных биографий в этом случае позволяет выявить как сходное, повторяющееся в истории, так и своеобразное, неповторимое, показать многовариантность и нелинейность течения исторического процесса.

В-третьих, исторический нарратив биографии может быть ориентирован на стандарт описания, задаваемый конкретной наукой, например социальной историей, социологией или политологией. В последнем случае, если речь идет о представителях политической элиты, биография это не только путь формирования взглядов и убеждений, но и путь политической карьеры, время пребывания у власти, имеющее зачастую свою особую периодизацию, наконец, уход из политики и дальнейший жизненный путь. Приобретая черты публичной политической истории, биография личности, ее выбор и принятые решения соотносятся здесь с жизнью государственных институтов, партий, различных политических группировок и идеологических течений. Выбор персоналий для биографического анализа при этом имеет особое значение: их судьба должна допускать экстраполяцию на историю той или иной социально-

политической общности, быть символом значимой тенденции или социального типа.

Мы сделали предметом своего изучения биографии рейхсканцлеров Веймарской Германии как представителей ее политической элиты, уделив особое внимание их влиянию на демократизацию германского общества, их способности, осуществляя власть, отстаивать и претворять в жизнь определенные взгляды, установки, цели.

Выбор персоналий 12 канцлеров (при 20 канцлерствах) Веймарской Германии был обусловлен не только их сравнительно слабой изученностью как представителей одной из ключевых политических фигур демократической республики. Сохранение должности канцлера в системе институтов исполнительной власти указывало как на невозможность разрыва с политической традицией, так и на скрытую надежду превратить демократические институты в эффективное средство реализации задач общенационального возрождения. Веймарские канцлеры выступали связующим звеном между властью президента и парламента как основного института демократического представительства. Они могли быть носителями как авторитарных, так и демократических тенденций развития республиканских институтов. Можно сказать, что в политических судьбах веймарских канцлеров и возглавляемых ими правительств в наибольшей мере воплотился смысл исторического выбора Веймарской республики: станет ли она предтечей новой авторитарной диктатуры или истоком современного немецкого парламентаризма. Воплотив в себе консерватизм формы и одновременно новые ориентиры политического содержания деятельности, пост канцлера был не только символом двойственного положения всей веймарской элиты, но и индикатором изменяющихся тенденций в аппарате власти.

Рассмотрим подробнее те новые явления в политической элите межвоенной Германии, которые можно обнаружить, изучив политические биографии веймарских канцлеров. Прежде всего, это был период смены поколений в политической элите, который повлек за собой значительные структурные изменения в элите общества в целом. Смена поколений обозначилась главным образом, в изменении среднего возраста рейхсканцлеров: в имперский период он составлял от 55 до 75 лет, в период Веймарской республики более половины канцлеров вступили в должность в возрасте до 50 лет. На смену доминировавшим при кайзере протестантам пришли католики (50% канцлеров). Аристократия и крупный капитал вынуждены были уступать позиции в аппарате власти: большин-

ство рейхсканцлеров вышло из семей разных представителей средних слоев: предпринимателей (4), интеллигенции (2), чиновников (2). Подавляющее большинство (80%) имели высшее образование, пять – ученую степень доктора. Практически все имели карьерный опыт в сфере государственного и административного управления, и лишь двое в своей деятельности были как-то связаны с экономикой. Это обстоятельство весьма симптоматично.

М. Вебер выявил важную особенность структурной перестройки германской элиты, состоявшую в сосредоточении лидерских натур в Германии исключительно в экономической сфере. Он отметил, что прирожденные лидеры возглавляли не министерства, не парламентские партии, а чаще крупные предприятия, союзы, объединения, куда и были «оттеснены все лидерские таланты нации» и где в то время вообще встречалось «нечто напоминающее селекцию лидерских качеств» [1. С. 163]. Эта селекция не могла не привести к значительным результатам: активность, переходящая порой в агрессивный напор, стремление найти достойных продолжателей своего дела и обеспечить своё стабильное будущее сочетались у экономической элиты Германии с проектами глобальных масштабов. Широко известна фраза Вальтера Ратенау о «трех сотнях человек, каждый из которых знает друг друга, руководит экономической судьбой континента и ищет последователей из своей среды» [2. Вд. 2. С. 350]. Представляется, что наличие рядом с собой мощной элитарной группировки в экономике с нескрываемыми амбициями, а позднее и ставкой на силу в их реализации, с самого начала не создавало веймарской политической элите комфортной атмосферы существования, не делало оправданной и убедительной ее парламентско-правовую деятельность. В конечном счете, именно эта ставка на силу и похоронила Веймарскую демократию. Однако из этого вовсе не следует, что судьба республики была предрешена. Состав и ориентации новой политической элиты позволяли надеяться и на иной исход.

В структуре политической элиты сохранил свое значение традиционный сегмент – дворянство, которое, по мнению С. Малиновского, рассматривало республику как «нагоняющий скуку зал ожиданий с дверьми в Третий рейх» [3. С. 460–468] и стремилось сохранить за собой внешнеполитическое ведомство и армию, две сферы деятельности, где преобладала элита по происхождению.

Из 12 канцлеров Веймарской республики лишь двое являлись дворянами, а 60% по своим партий-

ным симпатиям (социал-демократы и клерикальный центр) при Бисмарке были бы однозначно зачислены во «враги рейха». Наиболее ярко новации процесса элитообразования демонстрировало внешнеполитическое ведомство. Назначение на пост рейхсминистра иностранных дел сначала социал-демократа Германа Мюллера, а затем Адольфа Кестера продемонстрировало важную особенность рекрутирования политической элиты Веймарской Германии: пост главы внешнеполитического ведомства заняли люди, не сделавшие дипломатической карьеры, а получившие его в силу принадлежности к партии, являвшейся ядром политической системы. Таким образом, главным принципом назначения на руководящие должности становилось не происхождение и образование, а достижения и способность к успеху [4. S. 55].

Появление некрещеного еврея Вальтера Ратенау в составе правящей политической элиты Веймарской Германии на посту рейхсминистра иностранных дел свидетельствовало, что даже устойчивые этноконфессиональные стереотипы консерваторов были поколеблены силой экономических аргументов. Ратенау рассматривал Россию, прежде всего, как рынок сбыта и поставщика сырья, но не как объект политического принуждения. Главная идея кооперации Вальтера Ратенау сводилась к тому, что Германия должна сделать инвестиции в народное хозяйство Советской России, чтобы 50% «русского дохода» заплатить в качестве репарации Антанте. Тем не менее фигуры такого рода оставались одиночками, «аусензайтерами» в политической элите.

Показателен и профессиональный состав веймарской политической элиты. Около 50% канцлеров были юристами. Среди членов кабинетов юристы составляли 55,75, 9,73% – военные, 6,19% – технические специалисты и инженеры, по 3,54 % – ученые и учителя. Преобладание лиц с юридическим образованием свидетельствует о высоком престиже данной профессии в общественном мнении Германии. Для немецкого юриста такие понятия, как право, государство, сила, Отечество, монарх, были тесно связаны друг с другом. Это во многом предопределяло мировоззренческие позиции юристов, пришедших в политику, хотя, с другой стороны, традиции юридической корпорации формировали у её членов неприятие произвола и насильственных, противоправных действий. Прошлая адвокатская деятельность таких видных веймарских политиков, как К. Ференбах (рейхсканцлер), Й. Бель (рейхсминистр), Э. Кох-Везер (лидер ГНП), способствовала выработке бойцовских качеств, важных в активной по-

литической деятельности. Другой особенностью профессионального состава кабинетов Веймарской республики являлось наличие в них около 8% рабочих и ремесленников. В составе правительств были столяры (Р. Шмидт, В. Кох, А. Штегервальд), корзинщик (Г. Носке), сортировщик сигарет (К. Зеверинг), токарь (Р. Виссель), механик (А. Шлике). Шорником был первый президент республики Ф. Эберт [5]. Это была в значительной степени функциональная элита, для которой не был чужд антрепренерский дух, ценности инициативы, профессионализма, признания и успеха.

В этой связи необходимо остановиться на том, как сами представители Веймарской элиты оценивали свое политическое призвание и смысл своего политического выбора. Показательна здесь эволюция Фридриха Наумана (1860–1919), крупнейшего либерального политика, общественного деятеля и публициста. Науман одним из первых пришел к выводу о том, что политика – это особая, сложная профессия, которую следует рассматривать «как искусство возможного» [6. Bd. 1. S. 88], специфическую технику, промысел, ремесло. Смысл политического руководства в использовании имеющейся ситуации, в правильном понимании реальных процессов и тенденций: «Политик может только попытаться правильно поставить паруса, чтобы помочь ветру развития правильно дуть, и при этом следить за тем, чтобы государственное судно в борьбе за существование не опрокинулось. И, если политику это удастся сделать, полностью осознавая поставленные задачи и действуя вполне осмысленно, ему будет под силу осуществление планов мирового правительства» [6. Bd. 3. S.4]. К концу жизни Науман рассуждал о политике уже в духе жесткого реализма, полагая, что «тот, кто в политической жизни не принадлежит ни к какой партии, является большой частью общенародного целого» [6. Bd. 4. S. 89–90]. Позднее он сам встал у истоков Германской демократической партии (ГДП), куда вошла интеллектуальная элита Германии, в том числе В. Ратенау и М. Вебер.

Вряд ли кто из веймарских политиков мог сравниться с Г. Штреземаном по силе политического дарования, воплотившейся в ясности и гибкости ума и способности к политическому маневрированию. Штреземана по праву относят к сторонникам так называемой «реальной политики» в международных отношениях, но не меньшим реалистом он являлся и в области внутренней политики. Несомненным достоинством Штреземана было умение привлекать к себе людей, объединять их, ликвидировать идейно-политические барьеры

внутри парламента и правительства – между членами различных партий; на международной арене – между давним врагом Германии Францией и новым идейным врагом – Советской Россией. «Это – жизнь, – говорил Штреземан. – Мы должны принимать людей и народы такими, какие они есть». Обладая смелостью и решительностью признать неизбежное, он был наделен политической интуицией, чувствуя момент, когда нужно проявить твердость и решительность: «Есть моменты, когда нужно иметь мужество дать новое направление судну с помощью штурвала...» [7. S. 313]. Примечательным является тот факт, что Штреземан вступил в правительство «большой коалиции» социал-демократа Г. Мюллера в 1928 г. без согласия своей партии [8. S. 275].

Примеры Ф. Наумана и Г. Штреземана свидетельствуют, что среди веймарской элиты были демократически ориентированные и вместе с тем масштабно и реалистично мыслящие политики, способные возвыситься над групповыми и узкими партийными интересами. При условии их консолидации и наличии достаточно широкой и действенной массовой поддержки тенденция к усилению роли и повышению эффективности демократических институтов Веймарской республики могла бы дать большие результаты. Однако возможности такой консолидации были весьма ограничены общим соотношением сил в элите.

Как показывает биографический анализ деятельности веймарских канцлеров, их политическая типология – «аусензайтеры» («потусторонние»), «вынужденные республиканцы» и неотрадиционалисты – отражала характер фрагментации всей политической элиты. Данная типология была установлена нами на основании выделения ключевой общенациональной проблемы – отношения к Версальскому миру, а также главной политической проблемы – отношения к Веймарской конституции, определявшей видение перспектив демократии в Германии. Убежденные демократы-республиканцы составляли среди канцлеров меньшинство (Шейдеман, Бауэр, Мюллер, Вирт). «Центристы» – большинство (6 из 12) – колебались между скрытым монархизмом духа и республиканским зовом разума. При этом лишь в отдельных случаях центристы (например, Штреземан) могли активно использовать демократические институты для принятия важных решений, а не только для смирения партийных и групповых амбиций. И хотя явные реставраторы (Ф. фон Папен и К. фон Шлейхер) были далеки от преобладания, отсутствие консолидации среди демократов сыграло роковую роль.

Размежевание партийно-групповых и общенациональных, гражданских интересов обнаруживалось в процессе принятия решений – главном поле деятельности политической элиты. Трагическая гибель М. Эрцбергера и В. Ратенау, ставшая для них расплатой за принятие стратегически важных решений, показала, насколько далеки консервативные круги Германии от трезвого взгляда на реальное положение дел и соотношение сил. М. Эрцбергер пережил три покушения на свою жизнь [9. S. 562] и пал жертвой четвертого, совершенного членами правоэкстремистской организации «Консул» 26 августа 1921 г. Министр финансов, который не совсем серьезно воспринял развязанную против него кампанию, стал жертвой клеветы со стороны правых партий, для которых вопрос о его причастности или непричастности к сомнительным финансовым операциям являлся второстепенным. Главное заключалось в том, что именно Эрцбергер подписал Компьенское перемирие и являлся автором финансовой и налоговой реформ, поставивших во главу угла значимость общегосударственных интересов [10]. Убитый членами того же «Консула» В. Ратенау, которому были не чужды германский патриотизм и дух государственника, смотрел на мировую и внутреннюю политику с позиций прагматической логики экономических интересов [11. S. 113]. Осознанно вступив на путь «Рапалльской политики», Ратенау полагал, что в условиях процесса нарастающего взаимодействия национальных экономик Россия также должна быть включена в поле германских и европейских хозяйственных связей. В результате подписания Рапалльского договора В. Ратенау «посеял зерно для всеобщего переговорного процесса между Западом и Советской Россией» [12. S. 439]. В его внешнеполитическом курсе процветание Германии означало не возрождение её военной мощи, а достигалось в рамках объединения усилий европейских государств для поддержания мира на континенте, что должно было способствовать скорейшему решению вопроса о репарациях и дальнейшему подъему немецкой экономики.

Попытки Г. Штреземана с наименьшими потерями для страны выйти из кризиса 1923 г., в котором экономический хаос, политическая борьба и поляризация сил осложнились Рурскими событиями, требовали широкой общенациональной поддержки. Современники признавали, что «Штреземан, возможно, первый, кто разрушил эти толстые стены изоляции между партиями, создал общественно нейтральную почву» [13], пытаясь создать в период своего канцлерства стоящую над партийно-идеологическими различиями «*Volks-gemeinschaft*» («народную сообщность»).

При этом Г. Штреземан шел впереди масс, не боясь принимать непопулярные решения, каким

являлось самое смелое и самое трудное решение в его жизни – «капитулировать перед французами», отказавшись от политики пассивного сопротивления. Когда националистические круги обвинили его в предательстве и заявили о том, что он должен предстать перед судом, Штреземан ответил следующее: «В тот момент, когда я это делал, я осознал, что ... может быть, я ставил в игре на кон свое положение в собственной партии и даже жизнь; но что отсутствует в немецком народе? Нам не хватает мужества ответственности» [14. S. 19]. Показательно, что, обладая поддержкой кабинета, канцлер настаивал на том, что инициатива урегулирования отношений с оккупационными властями должна исходить от населения оккупированных территорий и все решения правительства принимались лишь после их обсуждения с представителями населения.

До 1929 г. Г. Штреземан претендовал на харизматическое лидерство в общенациональном масштабе с опорой на демократические принципы. Он считал, что легальное господство в условиях правового государства требует активного использования партийно-парламентского механизма. Тем не менее в кризисный период канцлерства Штреземана в 1923 г. из 69 принятых законов и законодательных распоряжений 16 законов принимались обычным образом рейхстагом и рейхсратом, 15 распоряжений – на основе 48-й статьи конституции, 38 – на основе закона о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий. Канцлерство Штреземана показало, что конституционный механизм Веймарской республики давал достаточное пространство для маневра и при умелом сочетании парламентской и непарламентской тактик позволял осуществлять эффективное антикризисное управление. В то же время зыбкость коалиций, на которые опирались оба кабинета Штреземана, была обусловлена, в конечном счете, не столько конституционными правилами игры, сколько нежеланием значительной части политической элиты пожертвовать своими партийными интересами во имя общенациональных.

Совершенно иной опыт принятия решений демонстрирует нам канцлерство Г. Брюнинга. Обладая глубокими экономическими знаниями, готовностью считаться с международными реалиями, будучи весьма требователен к себе и терпим к коллегам, канцлер не проявил воли, настойчивости и подлинно политического подхода к решению проблем преодоления кризиса в экономике и политике. У Г. Брюнинга не было желания и умения убедить рядовых граждан в правильности предлагаемых им мер, внушить общественности

доверие к проводимой им политике. В то же время канцлер не смог заручиться поддержкой обеспеченной части населения и средних слоев. Подчинив экономическую стратегию внешним факторам – решению проблемы репараций, – Г. Брюнинг, как представляется, неоправданно сместил политические приоритеты, лишив собственную экономическую политику социально и национально значимых ориентиров и тем самым внутривнутриполитической легитимности.

Понимая опасность политической дестабилизации, исходящую от НСДАП и ее полувоенных формирований, Г. Брюнинг вместе с рейхсверминистром В. Гренером настояли на запрете П. Гинденбургом СС и СА, пригрозив даже своей отставкой. Однако они не смогли (или не захотели) восстановить и упрочить свое влияние на президента. В ситуации, когда канцлер не мог опереться на широкую коалицию и поддержку общественного мнения, реализация лоббируемых им решений ставилась в прямую зависимость от его способностей выстраивать межличностные отношения. Но и здесь Брюнинг и Гренер уступили активным интригам неотрационалистов. Как заметил Т. Эшенбург, «они вели себя как чиновники, а Шлейхер как политик» [15. S. 260]. Пример Брюнинга убеждает нас в том, что профессиональная грамотность и связанная с ней теоретическая правильность решения, равно как и моральные добродетели лица, его принимающего, оказываются необходимыми, но не достаточными условиями для политического успеха. Без коммуникативных способностей и макросоциального масштаба политического действия эти качества не превратятся в политику как искусство возможного в конкретно-исторических условиях.

По иронии истории личности веймарских канцлеров стали символами политического выбора, перед которым оказалась республика после смерти Г. Штреземана: ее судьба определялась в выборе между кротким католиком-фаталистом (типа В. Маркса) и профессионально безупречным чиновником (типа Г. Брюнинга), напроць лишенным воли и инстинкта власти. В обоих случаях, хотя и по разным основаниям, борьба за республиканское будущее Германии не была значимой ценностью.

Выстроены в хронологической последовательности фигуры веймарских канцлеров очерчивают еще одну тенденцию эволюции политической элиты Германии межвоенного периода: как показали итоги выборов в рейхстаг, количество сторонников демократии резко сокращалось с каждым выбором. Демократически ориентирован-

ная элита постепенно теряла и свой избирательный электорат. Если на первых выборах «Веймарскую коалицию» (СДПГ, ПЦ, ГДП) поддержали 78% избирателей, то на последних выборах в 1932 г. – только 33%. Из-за постоянных противоречий между партийными и государственными интересами представители правящей политической элиты вступали в постоянный конфликт с собственными партиями, не говоря уже об оппозиционных. В такой ситуации ревизии подверглась фундаментальная основа веймарской элиты – её открытый характер. Переход от формирования открытой элиты к закрытой, от партийных членов правительства к беспартийным был характерен не только для глав кабинетов, но и для министерского корпуса.

Представленный нами вариант характеристики политической элиты Веймарской республики, моделью которого является биографический анализ личностей, образующих репрезентативную группу, позволяет оценить возможности метода «коллективной биографии». Применительно к политической элите он позволяет не только выявить ее структуры и тенденции эволюции, но и рассмотреть основное поле деятельности элиты – принятие политических решений. В данном случае мы рассмотрели лишь несколько типичных эпизодов, позволяющих выявить главную коллизию Веймарской демократии: столкновение общенациональных и частных, партийно-групповых интересов. Вне поля зрения остались административно-правовые и процессуальные аспекты, а также взаимодействие с экономической и военной элитой, политиками регионального уровня. Интересен и компаративный анализ различных «коллективных биографий». Тем не менее мы убеждены в том, что биографический анализ в его соотношении

с подходами социологии и политологии принадлежит к числу исследовательских приемов, открывающих перед историками не только новые возможности познания прошлого, но и повышения социального статуса и авторитета исторического знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Политические работы (1895–1919). М.: Практика, 2003.
2. Rathenau W. Nachgelassene Schriften. Berlin: S. Fischer Verlag, 1928.
3. Malinowski S. Vom König zum Führer: sozialer Niedergang und politische Radikalisierung im deutschen Adel zwischen Kaiserreich und NS-Staat. Berlin: Akademie Verlag, 2003.
4. Doß K. Reichsminister Adolf Köster. 1883–1930. Ein Leben für die Weimarer Republik. Düsseldorf: Droste Verlag, 1978.
5. Witt P.-C. Friedrich Ebert. Parteiführer, Reichskanzler, Volksbeauftragter, Reichspräsident, Bonn: Verlag Neue Gesellschaft, 1987.
6. Naumann F. Werke / Hrsg. von W. Uhsadel. Bd. 1–4. Köln und Opladen, 1964.
7. Thimme A. Gustav Stresemann. Legende und Wirklichkeit // Historische Zeitschrift. 1956. № 181.
8. Vernunftrepublikanismus in der Weimarer Republik. Politik, Literatur, Wissenschaft / Hrsg. von A. Wirsching und J. Eder. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2008.
9. AdR (WR) Das Kabinett Bauer. 21 Jun. 1919 bis 27 März 1920 / Bearb. von A. Golecki. Boppard am Rhein: Harald Boldt Verlag, 1980.
10. Eschenburg T. Matthias Erzberger. Der große Mann des Parlamentarismus und der Finanzreform. München: Piper, 1973.
11. Schulin E. Walter Rathenau. Repräsentant, Kritiker und Opfer seiner Zeit. Göttingen, Zürich: Muster-Schmidt Verlag, 1992.
12. Brenner W. Walther Rathenau. Deutscher und Jude. Cover: Walther Rathenau. München: Piper Verlag, 2005.
13. Vossische Zeitung. 1929. 6. Okt.
14. Göhring M. Stresemann: Mensch, Staatsmann, Europäer. Martin Wiesbaden Steiner, 1956.
15. Eschenburg Th. Die improvisierte Demokratie. Gesammelte Aufsätze zur Weimarer Republik, München: R. Piper & CO Verlag, 1963.